

**Александр
Асмолов**

ЛИСТЫ
ОДНОГО ДРЕВА

СБОРНИК РАССКАЗОВ

электронная книга

2015

Сборники рассказов Александра Асмолова

Александр АСМОЛОВ

Листы одного дерева (сборник)

«Александр Асмолов»

2015

Асмолов А. Г.

Листы одного дерева (сборник) / А. Г. Асмолов — «Александр Асмолов», 2015 — (Сборники рассказов Александра Асмолова)

ISBN 978-4472-4695-2

Оглянувшись однажды на прожитые годы, автору захотелось подвести творческий итог последних двадцати лет жизни. Так возникла идея создания сборника «Листы одного дерева. В него вошли миниатюры, рассказы и эссе, написанные по различному поводу и в разное время, но объединяет их единый душевный порыв, зовущий к перу. Книга будет интересна поклонникам современной короткой прозы и тем, кто находится в прекрасном возрасте, позволяющем размышлять о прожитом и подводить итоги.

ISBN 978-4472-4695-2

© Асмолов А. Г., 2015

© Александр Асмолов, 2015

Содержание

Кленовый лист	6
Старое объявление	7
Монетка для Харона	9
Дорогая Н. Н.	12
Сказка о забытых душах	15
Наша победа	17
Теперь я люблю дожди	19
Юбилейный букет	21
Утренний поцелуй	23
Девушка на пляже	25
Ностальгия	27
Крымские персики	28
Хилер	30
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Асмолов

Листы одного дерева

© Асмолов А. Г., 2015

* * *

Кленовый лист

В детстве разноцветный ковер опавших листьев казался более ярким. Я любил перешагивать с одного бордового листа на другой. С годами эти шаги становились все длиннее. Теперь и не допрыгнуть. Похоже, воспоминания стали очками с цветными стеклами, и поэтому на фоне желтых полян мне редко попадаются алые листья. Резные с крупными прожилками запекшегося сока, чью жизнь оборвал первый ночной заморозок. Придет пора, и холодное лезвие безжалостно полоснет по тонким жилкам. Многие умирают во сне, а некоторые ждут солнечного света. Напоследок несколько секунд свободного падения. И все.

Говорят, что умирая, человек может задержаться на Земле, если не выполнил предназначение. Интересно, как у листьев. Быть может и они вымаливают у своих богов время на последний шанс. Рассуждая так, поднимая голову и осматриваясь. С одной из верхних веток ко мне планирует огромный бордовый лист. Словно засмотревшись на меня, он натывается на другую ветку, но все же опускается прямо ко мне в руки. Это знак.

С любопытством разглядываю его. Красавец. Брутальные рубленые линии контура, набухшие отвердевшие жилы, поджарое тело. Был на самом верху. Интересно, наша встреча случайна, или он выбрал именно меня. Если так, то – зачем. Верчу лист в руках. Никаких намеков на знаки или символы. Обхожу вокруг солидного клена. Забавно, но красных листьев под ногами нет, одни желтые. Делаю десяток шагов в сторону. Среди обнаженных ветвей ни одного листочка. Этот был последним. Неспроста.

Пару минут оглядываюсь по сторонам и размышляю. Вокруг ни души. Похоже, все-таки это послание предназначалось именно мне. И смысл его ни в каких-то таинственных символах на листе, а в самом действии. Не сгинуть бесследно, а сделать что-то напоследок. Какой-то единственный шаг. И, если послание предназначалось мне, то должен понять. Похоже, я близок к осознанию этого шага. Не случайно же последнее время я частенько размышляю о предназначении. Зачем я появился на земле, что должен сделать. Так и не понял.

Никогда не стремился накопить добра или добиться власти. Да, посадил дерево, построил дом и вырастил детей, но это не главное. Стопка дипломов с сертификатами и два десятка написанных книг перетянуты черным поясом по каратэ. Это все в прошлом. Ни одна религиозная доктрина не затронула. Даже крестился в Иордане, но ничего не почувствовал. Не мое.

Ах, осень, любишь ты загадки. Удивительно красивые и не менее сложные. И синее небо над головой бабьим летом, и безмолвный лес и спокойная река и этот кленовый лист в руках – все присказки. Они были и будут без меня. Только этот миг мой. То, как напоследок парил резной красавец, и есть подсказка. Он впитал в себя всю красоту и оборвал последнюю нить сам, когда почувствовал, что готов сделать этот шаг. И мне послышалось: «Умри счастливым».

Старое объявление

Когда возраст позволяет бродить в осеннем лесу не только по выходным, неторопливые мысли часто обращаются к юности. Хранимые в памяти образы друзей давно отличаются от их нынешних ликов. Наверное, поэтому люблю общаться с ними по телефону. Не часто. Когда кольнет вдруг без предисловий в шутку спросить – идешь в школу или на море. Такая игра принимается с полуслова, и можно поболтать ни о чем, будто и не пролетело с тех пор полвека.

Вот и сегодня шорох опавших листьев в уже дремлющем подмосковном лесу навеял воспоминания о том, как я впервые увидел своего деда. У него было странное для русского слуха имя. Харламий. Он был чистокровным греком. По материнской линии бабу и деда я не застал в живых. Они сгинули в лихолетье двадцатых. Мать отца, Варвара, нянчила только моего старшего брата, так что появление Харлампия было событием.

Он был моряком и встретился с Варварой в Новороссийске еще до революции. Эта необычная романтическая история закончилась большой греческой свадьбой. К семнадцатому году в семье из богатства было только двое детишек. Гражданская война разметала их по разным странам. Харламий появился в Новороссийске только в шестидесятых. Дед приехал умирать. Ему удалось убедить все власти, что старик хочет быть похороненным рядом с той, которую любил всю жизнь.

Харламий почти забыл русский, говорил медленно и с ошибками, но зато очень интересно. Долгая жизнь моряка для слушателя в моем лице представлялась одним бесконечным приключением. Отчего-то из его внешности мне запомнились только клетчатая рубашка и длинные холодные пальцы с запахом табака. Он часто держал сигарету, которая, оставшись без внимания в разговоре, тлела в одиночестве. Пепел падал ему на брюки, а Харламий продолжал говорить, неподвижно глядя куда-то в прошлое.

Днем, когда все взрослые были на работе, а школьник пытался делать уроки, дед частенько спрашивал, какая нынче погода. Этим он намекал на прогулку. Мы жили неподалеку от того дома, где когда-то Варвара и Харламий растили своих сыновей. С тех пор улицу расширили и разбили скверик. Тополь у калитки их изгороди пережил все катаклизмы и казался мне могучим исполином. Харламий любил сидеть на скамейке у этого тополя и вспоминать. Иногда рассказывал что-то мне. Часто это были забавные истории о красавице Варваре, за которой ухаживал греческий моряк. Почему он доверял это пацану, не знаю. Возможно, я был благодарным слушателем, который никогда не посмеется над тем, что так дорого старику.

Не прошло и года, как Харламий умер. Помню, перед этим он болел, молча глядя на окружающих увлажненными глазами. В них была мольба о прощении и столько любви, что запомнилось мне на всю жизнь. В те дни мой отец пытался его спасти, собирал деньги на какие-то лекарства или операцию. Теперь я понимаю, как ему было трудно терять своего отца, так ненадолго обрета его после долгих лет, прожитых порознь и в неизвестности.

Мне вспомнилось это из-за одного случая, произошедшего несколько лет назад. Мы с женой гостили у старшего брата в Новороссийске. Он как раз закончил ремонт, и освободил нам комнату на отпуск. После ужина мы сидели на балконе и о чем-то говорили. Спohватившись, брат достал из старенькой тумбочки книгу и, улыбаясь, протянул мне. Узнать в ней свой детский подарок было несложно. Наш отец любил и собирал книги, и я всегда на день рождения дарил ему их.

Брат загадочно молчал, чего-то ожидая. Я открыл книгу, прочитал свою дарственную надпись, неумело сделанную перьевой ручкой, и полистал. Вскоре наткнулся на пожелтевший листок в линейку. Там была одна строчка, всколыхнувшая целый рой воспоминаний. Как давно это было. Я даже не представлял, что этот листок отец хранил всю жизнь. Когда его не стало,

книжный шкаф так и стоял на том же месте, и только теперь брат, убрав его, затеяв ремонт. Перебирая книги, он наткнулся на мою записку.

Вернее это было уличное объявление. Взволнованная рука школяра нацарапала фразу на вырванном из тетради листке. Вспомнилось, как я вместе со всеми хотел тогда спасти умирающего Харлампия. Мы жили небогато, и мама часто занимали деньги за неделю до получки, а уж собрать что-то на редкое лекарство или операцию было нереально. Вот я и написал объявление о продаже, чтобы получить эти злосчастные деньги. Продать, конечно, было нечего, но я видел в каком-то кино, что это кто-то покупает. Вот и решился. Оказалось, что отец, возвращаясь домой, узнал на объявлении мой почерк, и снял записку со столба около дома. У нас состоялась беседа, я покался, и все забылось. Оказалось, что отец сохранил мое нелепое объявление. Очевидно, его тронуло это искреннее желание спасти Харлампия даже таким способом.

«Продам душу за деньги. Саша».

Монетка для Харона

Интересно, если не припасти монетку Харону, он так и не перевезет мою грешную душу через Стикс, и она останется неприкаянной в этом мире навечно или же будет барахтаться в темных водах подземной реки, пока не попадет в Лету? Хотя, с чего это я решил, что попаду к Харону, были же и другие перевозчики – у шумеров Намтарру, у египтян Анубис, у этрусков Турмас, у скандинавов Модгуд, у славян, кажется, это был Серый волк Велеса. Выбрать есть из чего, а, может, и поторговаться. Удалось же Гераклу подкупить золотой ветвью Харона. Впрочем, греки мне ближе, во мне как-никак четверть эллинской крови. А, ну, как удастся не хлебнуть забвения в Лете, ведь душе все телесное чуждо.

Перспектива зависнуть на грани миров весьма интересна. Здесь я уже кое-что видел, а с той стороны вообще навсегда останусь. Скользнуть по лезвию, рассекающему свет и тьму, я бы попробовал. Скорее всего, там и время течет иначе, да и другие законы миров перемешаны. Не думаю, что на всех «границах тучи ходят хмуро». Ведь был же у меня подобный случай.

Тут мне вспомнилось детство на берегу Черного моря. Я жил в «портовом» квартале, проводя большую часть времени в его дворе. Это было счастливое время без компьютеров, сотовых и прочих технических «фенечек», так легко разъединяющих людей теперь. А тогда во дворе был единственный телевизор у дантиста Сойфера, который по выходным позволял подружкам его десятилетней Софочки что-то там смотреть, о чем они трещали потом всю неделю. Оборванцы вроде меня в этот круг не входили, зато море принадлежало нам.

С восьмого марта по седьмое ноября у нас был купальный сезон. В мае мы уже выглядели негритятами, а к августу волосы от соли и солнца выгорали до соломенного цвета. Любимым местом на берегу у нас был старый причал неподалеку. Вдоль его ржавых боков, кое-где уже без деревянного настила, лежала метрового диаметра труба. Когда-то по ней с пришвартованных барж насос мощной струей гнал на берег морской песок, которой покатыми холмами отгораживал нас от всего района. Это был наш мир, и девочкам в нем не было места.

Ржавеющая под солеными ветрами труба на мосту в некоторых частях была отполирована нашими телами. Прокалившись на летнем солнце, она спасала наши замерзшие от долгого купания тела. Мы повисали на ней, как белье на веревке, обнимая руками и ногами «большого брата», и впитывали ее тепло. В разгар лета труба так нагревалась, что прежде, чем лечь на нее приходилось стаскивать мокрые «семейные» трусы и выжимать воду на горячий металл. Только после этого можно было распластаться на этой «сковородке» и, закрыв глаза от блаженства, ощущать проникающее внутрь тепло. Онемевшие пальцы и посиневшие губы постепенно приходили в норму, и тщедушные, с белыми полосками на бедрах тушки переставал бить озноб.

Наш старый мост метров на сто вдавался в море, да и глубина там была метров пятнадцать, так что даже в августе мы умудрялись замерзать до дрожи в коленках. Дело в том, что солнце быстро прогревает верхний слой воды в три-пять метров, потом его то и дело сносит ветер, а на глубине бывает прохладно. Мы же всякий раз должны были доказывать свое превосходство. Кто-то быстрее всех плавал, кто-то глубже нырял, кто-то крутил сальто с фонаря на конце моста, а кто-то мог руками поймать самого большого краба. И море было неизменным участником и беспристрастным судьей во всех забавах.

Одной из таких игр было «Посвящение». Кто прошел его, гордо взирали свысока на такого салагу, как я, у которого еще не было силенок и духу для того, чтобы пронырнуть «черную трубу». Так назывался десятиметровый отрезок трубы с нашего моста, наполовину вросший в дно. Когда и как он оказался на пятнадцатиметровой глубине никто не знал, и это окутывало таинственным ореолом обросшее длинными зелеными водорослями «чудовище». До него доныривали только взрослые ребята, но нужно было еще и залезть в эту чертову трубу и

проплыть в ней до другого конца. Естественно, проделать это нужно было при всей честной компании. Ходило немало жутких рассказов о страшных смертях салаг, вроде меня, отважившихся покорить «черную трубу».

Но как, скажите, быть уважаемым пацаном и не пройти «Посвящение»?

Втайне я тренировался. Сначала научился доныривать до черного чудовища. Потом еще и проныривать вдоль его обросшего водорослями тела, которое, порой, казалось, бесконечным. Когда же у меня хватило дыхания доныривать и проплывать вдоль «черной трубы» дважды, я объявил, что готов к испытанию. Все было по-честному. Назначили день, когда на мосту собрались уважаемые пацаны района. Они были намного старше меня, и поглядывали с ухмылкой. Когда же пришел один из предводителей по прозвищу Кэп, все загалдели. Мои сверстники пытались отговаривать и запугивать взбучкой от родителей, старшие подшучивали, но я стоял на своем.

Часть наблюдателей прыгнули в воду, часть осталась на мосту. Вода была прозрачной, и сверху все было, как на ладони. Кэп закурил и молчаливым жестом дал отмашку. Сердце мое сжалось от страха. Помню, как я пожалел тогда, что не знал ни одной молитвы. Но назад хода не было. Продышавшись напоследок так, что голова закружилась от избытка кислорода, я прыгнул с моста.

Сотни раз я уже проходил этот путь, и поначалу все шло хорошо. Когда же я занырнул в «черную трубу», ужас постепенно стал овладевать всеми уголками сознания. Ил и песок заполняли пространство трубы, оставляя узкий просвет сверху. Я стал медленно протискиваться вперед, обдирая спину о ракушки, облепившие ржавый металл. Стало темно, только светлое пятно впереди. Страх подгонял вперед, но я стараясь двигаться как можно медленнее, чтобы беречь силы и кислород. Примерно на середине пути просвет в трубе стал таким узким, что я застрял. Помню, как мелькнула садистская мысль, что я уже в желудке черного чудовища. Оно заглотило меня целиком и теперь сдавливает.

Заставив себя успокоится, полез дальше, откапывая под собой песок руками и проталкивая его ногами назад. Медленно тянулись секунды. В голове застучало. Я обманывал себя перекачивая воздух из легких в рот и обратно, словно вдыхал. Неожиданно среди спутанных мыслей зазвучала модная тогда мелодия, и я пополз быстрее.

Упрямо повторяя, что смогу, карабкался. Поднятый моими движениями ил, сделал светлое пятно впереди совсем тусклым. В эти секунды из глубин памяти выскакивали самые разные события моей короткой жизни, и калейдоскопом вращались в затуманенном отсутствии кислорода сознании. Силы покидали меня. Неожиданно светлое пятно впереди исчезло. Я почувствовал себя моряком, потерявшим в шторм спасительный свет маяка.

Стало жутко.

Лихорадочно соображая, что могло произойти, я оцепенел. Назад ходу не было – я засыпал его песком, вырытым из-под себя. Впереди была неизвестность. Если бы в тот миг я был на суше, слезы бессилия и жалости к себе брызнули бы из глаз. Но я был зажат в чертовой трубе на глубине пятнадцати метров, и она все не кончалась. Теперь и вовсе стала бесконечной. Судорожные позывы глотнуть воздух, волнами прокатывались по телу. Сознывая, что первый же вздох станет для меня последним, я загонял это желание вглубь угасающего сознания.

Неожиданно издалека донесся голос. Отчетливо помню, что это были не слова и не мотив.

Просто чистый голос. Тут же я вновь увидел светлое пятно. Совсем рядом. Откуда только взялись силы. Какими-то рывками я преодолел последний метр-два и вылез из чертовой трубы. Оттолкнувшись ото дна, заскользил вверх. Солнце было прямо над головой, и его лучи веером расходились вокруг меня, образуя светлый конус. Стало удивительно легко и спокойно.

Позже я узнал, что надо мной решили подшутить. Ну, негоже салагам проходить «Посвящение». Не для них это. Оказалось, когда я был в трубе, пацаны стали по одному доныривать ко второму концу трубы и закрывать его своим телом. Думали, что я назад поползу, пытались за

ноги вытащить. Не получилось. Когда все сроки вышли, Кэп выгнал всех их воды, а сам стал стучать камушком у второго края трубы. Это меня и спасло. Словно у него в руках была моя монетка для Харона.

Дорогая Н. Н.

В столичном магазине «Библио Глобус» было многолюдно. Не потому, что вечер пятницы, а потому, что в большом зале проходила презентация нового романа известного писателя. Сергей Сергеевич Саблин, как всегда, блистал. Он был просто создан для подобных мас-совок. Только в роли лидера, конечно.

Шустрые корреспонденты разномастных изданий расположились около оператора одного из московских телеканалов. Его штатив с солидной камерой, как форштекень, выби-вался из общей массы собравшихся. Впрочем, автор нисколько не уклонялся от форштейня, способного подмять любого, только не Саблина. Напротив, он играючи отвечал на каверзные вопросы, улыбаясь прямо в объектив. Вечер вела Галина Викторовна. Искусствовед в про-шлом, теперь возглавляла отдел маркетинга в книжной империи. Она задавала неожиданные вопросы, а Сергей Сергеевич быстро отвечал. С юмором и сознанием дела. Мало кто знал, что сценарий этой встречи и все вопросы Саблин сам написал неделю назад. Что говорить, шоу удалось.

Постоянная интрига, сопровождавшая творчество Саблина, была связана с его соавто-ром. Сергей Сергеевич всегда посвящал свои романы некой Н. Н., давая понять, что без нее книга никогда бы не состоялась. Ее тень всегда мелькала и в романах.

Читатель узнавал Н. Н. в образе загадочной дамы, промелькнувшей в каком-нибудь незна-чительном эпизоде, который в финале оказывался определяющим. Таким был стиль авторов. Однако Сергея Сергеевича знали все, а, вот, Н. Н. удавалось оставаться инкогнито. Кто придумал этот тандем и как он работал, хотели узнать многие.

Едва закончилось традиционное обсуждение книги с автором, микрофон перешел к зри-телям, и началась атака.

– Сергей Сергеевич, кто вам пишет книги?

– Господин Саблин, вы эксплуатируете литературных рабов?

– Признайтесь, кто такая Н. Н.?

Автор очаровательно улыбался, прощая шалости невоспитанным и дерзким. Это их хлеб, в конце концов, но он не мальчик для битья.

– Коллеги, я не могу вам сказать, как я пишу – в халате или залезаю в ванную, как великий Дюма. Это секрет. Профессиональный.

– Но почему? – хором возражала публика.

– Если я вам его открою, – улыбался Саблин, – вы будете писать так же.

Шум одобряющих возгласов пронесся по залу, но это было только начало.

– Назовите хоть имя. Это Надежда?

– Наталья?

– Нина?

– Нора? – неожиданно для всех томно спросила Галина Викторовна.

– Друзья мои, – Сергей Сергеевич смело приблизился к объективу камеры так, чтобы теле-зрители смогли заглянуть в его глаза, – кто-нибудь из вас мог бы публично назвать имя люби-мой, зная, что это ей навредит?

В зале воцарилась уважительная тишина. Впрочем, ненадолго.

– Н. Н. – публичный политик?

– Так у вас роман с замужней женщиной?

Посыпались вопросы, которые Сергей Сергеевич тут же парировал:

– Наш роман вы держите в руках, дорогие мои. Могу подписать его любому желающему.

В этом был весь Саблин. Романтик, интригующий собеседник и успешный автор. За это его любили издатели и читатели, ненавидели собраты по перу и ревновали бизнесмены, в поте

лица добывавшие свой хлеб. Виданное ли дело, какая – то Н. Н. пишет проходимцу книги, а он красуется перед публикой.

В небольшом кафе при магазине разгоряченные члены всевозможных литературных клубов еще выясняли, кто тут гений, когда Саблин тихонько простился с Галиной Викторовной, поблагодарив ее за отличный вечер. Он торопился остаться наедине со своей Н. Н., молчаливо дожидавшейся своего известного писателя.

– Ты опять целовал Галине руку? – с нескрываемой иронией спросила Н. Н.

– У нас чисто деловые отношения, ты же знаешь, – прошептал он, чуть наклонившись. – И потом она никудышный автор, хотя и пытается иногда писать.

– Это ты зря, – Н. Н. едва заметно отстранилась от него, хотя вечер был прохладный, – женщины не прощают оскорблений. Даже если их нанесли не им лично. Они все помнят.

– Учту, – примирительно промурлыкал Саблин. – Поедем на дачу, так хочется побыть вдвоем.

– Ты опять поставил машину около ювелирного? – она всегда прощала этого баловня судьбы.

– Представь себе. Бриллианты не покупаю, но пользуюсь стоянкой для важных персон. Всякий раз я подписываю директору магазина десяток новых книг для его клиентов, и он мне все позволяет.

– Становишься бизнесменом? – ирония сквозила в ее тихом голосе.

– Москва всегда была торговым городом. Купцы тут строят дома и магазины, торгуют мануфактурой и машинами. Иногда книгами.

– Когда ты пялишься на очередную девицу, – прервала его Н. Н., – то всегда перескакиваешь на купцов. Неужели женщины ассоциируются с товаром?

– Прости, отвлекся, – виновато пробубнил Сергей Сергеич. – А как ты заметила, ведь и не смотрела в ту сторону?

– Я тебя слишком хорошо знаю, дорогой. Тебя выдают интонации. Дыхание.

– О, это можно будет использовать, – тут же подхватил Саблин. – Вот послушай. При встрече с красивой женщиной он задерживал дыхание... А?

Они замолчали, одновременно вспомнив, как лет пять назад Сергей увлекся такой вот штучкой. На ощупь у нее были изящные бока и все такое, но без души. Он уехал с ней на Кипр и пробовал писать. Месяц провел на шикарной вилле у моря и вернулся с пачкой исписанных листков. Редактор прочитал рукопись и вернул ее всю исчерканную красным фломастером, словно женской помадой. Такого позора Саблин еще не испытывал. Он понял, что писать настоящие книги может только с Н. Н. Возвращение было мучительным и долгим. Она простила его, как блудного сына, поверив клятвам. С тех пор все книги выходят с посвящением Н. Н. Большого ей и не надо.

– Ты молчал всю дорогу, – неожиданно произнесла она. – Вспоминал Кипр?

– Да, – коротко признался Саблин. – Мы с тобой, как старые супруги, понимаем друг друга молча.

Старенькая дача с массивной мебелью 30-х годов была их мастерской. Тут родились все романы, да и сами они прожили здесь лучшие свои годы. Потому и возвращались сюда с удовольствием.

– Тихая заводь у сочного луга, – мечтательно произнес он, запирая ворота.

– Да, – согласилась она, – хорошо тут.

Сергей Сергеич повесил пиджак на спинку кресла у камина, сам сел напротив. Электрический нагреватель быстро наполнил комнату теплом и приятным неярким светом. На стене методично тикали старинные часы. Тут хорошо думалось и легко писалось.

– Я купил новые чернила, – спохватился Саблин.

– Для нового романа? – интригующе спросила Н. Н.

– Надеюсь... Знаешь, приходится разрезать пластиковые баллончики для современных ручек и сливать чернила во флакон.

– Да, я капризная дама. Мне флакон подавай. Поршневая система. Разве что – перо золотое.

– У тебя удивительное перо. Чистое золото. Отец подарил на окончание института. Даже имя тебе дал. Наша Надежда. Так и повелось.

– Это нетактично, напоминать даме о возрасте, – усмехнулась она и попросила. – Не клади меня сегодня в стол. Пусть я останусь во внутреннем кармане пиджака. Хочу побыть у камина. Он еще тот молчун.

– Но только до утра, – пошутил Сергей Сергеич. – У меня на тебя большие планы, дорогая Н. Н.

Сказка о забытых душах

Жил-был Сон. Вернее, быть то он был, а вот где жил – неизвестно. Сон приходил только длинными зимними ночами, когда плачут метели. Выбирал лишь тех, кто спит крепче всех. Бывало это редко, но уж если случалось, то попавший в сон мог увидеть самые невероятные истории. Однажды так и произошло. Приснился Сон мужчине по имени Иван, не старому и не молодому, не высокому и не маленькому. Обыкновенному.

Не стал Сон ходить вокруг да около, сразу нырнул в такие глубины, о которых другие сны и не подозревали. Потому как был этот Сон не прост. И вот снится Ивану, что он в дремучем лесу. Темно. Жутко. Другой бы вскинулся с постели, только не зря Сон выбирал тех, кто спит крепче всех. Долго ли коротко пробирался Иван по чаще, заметил он огонёк впереди. Ближе подошёл, а там – поляна и на ней вокруг тусклого костерка – странные существа. Не люди, не звери, не птицы. Будто клочья тумана. Колышутся. Страшно Ивану, бежать бы, а не может. Неведомая сила к костерку толкает. Ещё ближе подошел, а его не замечают. Будто виденья над огоньком нависли, а тот еле тлеет. Стал Иван валежник для костерка собирать – вдруг разговор завяжется.

– К кому пришёл? Чужой ты.

– Так я... – Начал, было, Иван, но, повернувшись на голос, осекся. Одно из тех видений, что у огонька собрались, аккуратно перед ним. Прямо в душу уставилось. Остолбенел Иван от страха, а своя душа в пятки ушла.

– А ты чей будешь-то?

– Иван, Васильев сын. Из Березовки.

– Вижу, что рано тебе сюда.

– Заплутал я. Дорогу, вот... Осмелюсь спросить, с кем честь имею...

– Забытые души мы.

– Как это?

– Кто как. Кто по ненависти, кто по любви, кто по злобе. Да брось ты эти палки ни к чему они. Проходи, гостем будешь. У нас никого не бывает, ты первый.

Окружили Ивана забытые души. Выются. Каждая о своём спрашивает, а он онемел от страха. Постепенно стало чуть светлее. Показалось Ивану, что души открываться перед ним стали. Он без слов иные судьбы увидел, а говорят, чужая душа – потёмки.

– Пустое, нет у него за душой ничего. Обидели Ивана чьи-то слова. Опять тьма сгустилась. Потеряв к нему интерес, оставили душу Ивана в покое. Он осмелел.

– Зачем в такую глухомань забрались?

– Не простили нас. Забыли. Сюда вот загнали. Такая тоска звучала в этих словах, что у Ивана слезы на глазах навернулись.

– А помочь как?

– Никто не поможет, кроме того, кто позабыл. Иди с миром, добрая душа.

– И что, никого так и не вспомнили?

– Поговаривают, было однажды – вспыхнул огонёк и один из наших вернулся. С тех пор так и смотрим на эти головешки... А ты иди, а то навсегда застрянешь.

– Куда идти-то? Дороги я не знаю.

– Дорог отсюда нет. Ты подумай о ком-нибудь близком, он тебя и вытащит. Если вспомнит.

Похолодел Иван, вдруг он никому не нужен. Раньше жил сам по себе, не задумываясь. Казалось, все так... Начал перебирать в памяти знакомых, кто бы его вспомнить мог. От этого еще темнее стало, а душа оборвалась...

Вдруг свет забрезжил. Чувствует Иван, кто-то его тянет. Теплом пахнуло, жизнью. Рванулся навстречу, и дома очнулся. Сидит в кровати, никак в себя прийти не может. Трясёт всего. Глядь, а это его охотничья собака, Дружок, руку лижет, хвостом виляет, поскуливает. Обнял Иван верного пса, к сердцу прижал. И так ему хорошо стало, что нашлась родная душа.

Сон обернулся, посмотрел на Ивана и пропал. Что тут добавить.

Нельзя без любви жить.

Наша победа

Баба Вера умерла, когда я еще в школу не пошла. В мае. После праздников. В тот день я что-то почувствовала и не отходила от нее, а баба Вера все пыталась меня из дома наладить – то в магазин, то погулять, то к соседке. Только позже я поняла, что она хотела тихо уйти, чтоб никому не в тягость, чтобы помнили ее живой.

Она у нас в семье всегда была старшей, даже отец умолкал, когда говорила бабушка. Впрочем, она не часто заставляла себя слушать. Предпочитала все делать молча. Это у нее с войны. Она сама мне так говорила. Война воспитала ее такой.

Баба Вера не любила рассказывать о войне, но мне иногда удавалось упросить ее. В 41-м их с мамой, моей прабабушкой, эвакуировали в Новосибирск. Раньше-то они жили в столичных Сокольниках. Фашист подошел к Москве, и завод, где работали ее родители, вывезли на восток. Отец бабушки Веры, мой прадед, погиб в первые месяцы войны. После переезда бабушка и ее мама поселились в маленькой комнатке деревянного дома принявшей их незнакомой семьи. Баба Вера всегда так тепло отзывалась о тех людях, обогревших их в тяжелое военное время.

Тогда почти все мужчины ушли на фронт, и бабушка с подростками стала работать на заводе. Она быстро научилась управляться со станком. С тех пор у нее осталось то, военное, отношение к любой работе. Баба Вера часто говорила:

– Это надо.

Пока не сделает, не успокоится. Она так всю жизнь и прожила. Мои родители все время работали, а дом и мое воспитание были на ней. Баба Вера все могла и все умела. Когда я ее спрашивала, откуда она знает что-то, она с улыбкой повторяла:

– Снаряды научилась делать, а это...

Мы жили небогато, но всегда был порядок. Особенно в одежде. Баба Вера была просто фанатом чистоты. Меня не наказывала за детские шалости, просто бралась стирать, штопать, подшивать, и все приговаривала:

– В войну такого не было, а нынче стыдно, девонька моя.

Теперь, когда прошло много лет с тех пор, ее голос в памяти не дает мне делать что – то плохо или не до конца. Мне все кажется, что вот сейчас выйдет из соседней комнаты баба Вера и, молча, возьмется за меня переделывать. Она никогда не ругалась и не наказывала меня. Даже если я была неправа, бабушка всю вину брала на себя. Прикрывала. Когда же мне становилось стыдно, и я признавалась ей и просила прощения, баба Вера тихо говорила:

– Я всегда за тебя, я же не предатель.

Она все сравнивала с тем военным временем, и наши теперешние неурядицы казались ей пустяками. Наверное, поэтому, когда я вспоминаю бабу Веру, мне кажется, что она жила легко. Она просто никогда не жаловалась и во всем находила радость. Теперь я понимаю, что это есть великая жизненная мудрость. Только теперь.

Еще баба Вера любила праздновать День Победы. Даже больше, чем Новый год. И не потому, что она по-особому накрывала стол или не отходила от телевизора. Нет. Она за неделю начинала готовиться и все приговаривала:

– Это же наш праздник. Это наша победа.

Теперь, молодым сложно понять ее отношение к 9 мая. Некоторые подростки уже путаются в датах, именах и событиях. Есть и такие, кто не утруждает себя разобраться, с кем мы воевали и за что. Вранья и небылиц в Интернет все больше. Но я знаю, что для защиты нашей страны и моя бабушка в 14 лет не только целыми днями работала на военном заводе, но и ночевала там. Ее сверстники после двух смен у станка не шли домой, а собирались у большой печи, где плавил сталь, чтобы согреться и поспать. Была война.

И самым большим праздником для нее был День Победы. В этот день она рано вставала, накрывала стол перед телевизором и не отходила от него весь день. Возможно, высматривала кого-то из знакомых, возможно, просто видела счастливые глаза тех, кто когда-то защитил нашу страну от врага. Она никогда никого не ругала, и если слышала о современных бедах из новостей, только отмахивалась:

– Да за такое в войну бы...

Да, война осталась в ней, но не озлобила, а наоборот, научила добру. И еще умению радоваться мелочам. Особенно в праздник 9 мая. Баба Вера часто повторяла:

– Мы так ждали этот день. Вся страна хотела одного. Победы.

Думаю, она и ушла от нас только после этого праздника. Болела, но не позволяла себе умереть до него. Вот что значит военное детство. Это передалось и мне. В День Победы я тоже накрою стол, и мы всей семьей соберемся у телевизора смотреть парад. Я буду вспоминать бабу Веру. Это мое самое дорогое воспоминание о той войне, на которой я не была. И ее праздник стал моим.

Это наша Победа.

Теперь я люблю дожди

Наверное, римский император был знойным мужчиной, коль дал последнему летнему месяцу свое имя. Подобно давешним красавицам я так же млела от жары в пригородной электричке, тащившейся со всеми остановками в маленький подмосковный городок. Вчера шеф сделал грустное лицо, объявив мне свою волю. Правда, давая это задание, он даже соизволил подойти к моему столу, а не вызвал в кабинет. Наш маленький «цезарь» умел уговаривать женщин. Доверительно положив ладонь на моё плечико, он шепнул, что утром можно будет сладко поспать и ехать одиннадцатичасовой электричкой.

Теперь я об этом жалела, лениво листая глянцевого журнал, где соплеменницы наперебой давали советы, как найти мужчину своей жизни, как его ублажать, как бороться с соперницами и как быть счастливой, не смотря ни на что, обретя наконец-то желанную свободу. Этот замкнутый круг я уже дважды прошла, но так ничему и не научилась, сделав мудрое заключение, что найти мужчину, который бы меня понимал, мне не дано.

Словно в подтверждение этим грустным мыслям, невесть откуда налетел дождь. Вернее ливень. Крупные капли наотмашь хлестали по вагону, барабанили по крыше и заливали сиденья, врываясь в открытые окна. Одной женской силы было недостаточно, чтобы справиться с упрямыми задвижками, и мне пришлось перебраться на единственный сухой островок первого сиденья. Там уже сидела дама в изящной соломенной шляпке, и делала мне знак рукой. Оказавшись единственными потерпевшими в старом вагоне, мы были еще и ровесницами, что помогло быстро найти много общего. Правда, в отличие от меня Светлана выглядела еще очень привлекательной и позволяла себе обнажать по моде стройный животик, хотя в зеленоватых глазах притаилась грусть. Заметив мой удивленный взгляд, остановившийся на ярком зонтике, что приютился подле нее наперекор всем прогнозам, она улыбнулась.

– Мне приснился Ласло. Это к дождю.

Она вдруг разоткровенничалась. Ах, эти женские истории! Они так похожи одна на другую и такие разные.

Светлана рано вышла замуж и родила хорошенького сына. И вроде бы все удачно складывалось в ее жизни – успешная карьера мужа, материальное благополучие семьи, поездки на известные курорты Европы, наряды и внимание мужчин, о которых может только мечтать любая женщина. Но однажды она призналась себе, что все не так. Душа томилась тем, что не сбылось. Как-то, зачитавшись далеко за полночь, Светлана наткнулась на старое русское слово, которое очень точно определило ее состояние. Стыть. Она словно и не жила. И единственный человек, кто знал, вернее, чувствовал эту ее тайну, была свекровь. Безумно любившая и ревнованная к невестке единственного сына, старая женщина просто терроризировала Светлану. Со временем та научилась терпеть и угождать, но счастья это не прибавляло. Так пролетела большая часть жизни.

Свекровь умирала долго и мучительно. Она цеплялась за жизнь из последних сил, боясь оставить сына. Когда же ее не стало, Светлану стали преследовать несчастья. Нелепый случай чуть не отобрал сына, диабет сделал из мужа тучного и ревнивого ворчуна, дважды горела их квартира, а сама она чуть не утонула в ясный полдень. И каждый раз после такого испытания во сне являлась свекровь и молча грозила скрюченным пальцем.

Однажды Светлана решила пойти в церковь. Поставила свечку и долго молилась, прося защиты. Тот год был особенно тяжелым. Муж лежал в больнице, она не работала и сидела без денег, а у сына были проблемы с молодой женой.

Неделю спустя, она возвращалась на электричке из столицы, где пыталась найти хоть какой-то заработок. В пути их застала гроза. Движение было прервано деревом, упавшим на рельсы. Пассажиры со всех застрявших поездов на автобусах отвезли в деревенскую школу,

что была поблизости. Тогда град на несколько сантиметров закрыл всю землю, а температура упала почти до нуля. Сердобольный школьный сторож отогревал всех горячим чаем, и рассаживал по стареньким классам.

Светлана оказалась рядом с застенчивым симпатичным иностранцем, который отчего-то прятал глаза и смущенно пытался ухаживать. Она даже начала кокетничать с ним, но неожиданно наткнулась на историю, изменившую ее жизнь.

Оказывается, Ласло, так звали нового знакомого, почти двадцать лет назад работал в том же институте, что и ее муж. Он был тайно влюблен в замужнюю женщину, но не мог ей открыться. Оберегая ее покой и семейное счастье, он так и не признался в любви своей избраннице. После перестройки уехал домой, но до сих пор хранит ей верность. Приезжая в короткие командировки по работе в тот институт, он тайком наблюдает за своей возлюбленной, но никогда не подходит к ней. Он любит ее издали. А решился рассказать свою историю Светлане лишь потому, что они больше никогда с ней не встретятся.

Это было так неожиданно и трогательно в наше прагматичное время, что Светлана потом долго не могла успокоиться. Вот ведь повезло же кому-то, а избранница и не подозревает об этом. Да, случись это со Светланой, она бы бросила все на свете ради такого мужчины! Как в сказке. Так просто не бывает. О такой любви нужно было бы написать книгу или снять фильм, чтобы все женщины смотрели и плакали от чужого счастья.

Несколько дней спустя Светлана помогала мужу готовиться к докладу, и увидела фотографии. Тот самый знакомый, что рассказал ей удивительную историю своей любви, был в запечатлен в окружении сотрудников мужа. Она стала что-то припоминать, потом осторожно расспросила мужа и... К своему ужасу она вспомнила этого застенчивого иностранца. Ну, конечно же! Как она могла не узнать в Ласло того мужчину, что время от времени появлялся где-то рядом. Вернее, она вспоминала его взгляд, полный нежности и грусти. Это был он! Его глаза тогда светились невысказанной любовью. Сомнений не было, все эти годы Ласло любил именно ее. Тайно и преданно. Как же она не узнала его, не поняла его слов, а ведь он так смотрел на нее.

Той ночью ей опять приснилась свекровь и погрозила кулаком, а затем пропала навсегда. Теперь ей снится только Ласло. Светлана даже назвала себя в шутку ночным зверьком, который живет только в темноте. Следующий день проходит, как в тумане, и всегда идет дождь. Вот и сегодня они были с милым на берегу красивого озера. Купались нагишом, загорали и собирали цветы на зеленом лугу. Потому и зонтик. Она грустно улыбнулась, глядя куда-то вдаль, и тихо произнесла:

– Теперь я люблю дожди.

Юбилейный букет

Что ни говори, а юбилей всегда волнующее событие. Ступенька, коих с возрастом становится все меньше. Пожалуй, и не хотелось бы взбираться на нее, да надо. Все хлопоты по хозяйству хозяйка большого дома у пруда поручила домработнице, а вот, составление списка приглашенных и распределения их за праздничным столом оставила за собой. Не ведающие этих проблем навряд ли поймут волнение, охватившее Маргариту Михайловну. Ее друзья, родственники, коллеги, чиновники, партнеры и просто знакомые составляли достаточно пестрое общество, которым нужно было управлять. Причем, делать это ненавязчиво. Фальшь почувствует любой, а вот, оценить тонкость игры способен лишь искушенный. Впрочем, таких будет на торжестве немало.

Обладательница различных титулов и званий, Маргарита Михайловна, была достаточно известна в мировом оперном искусстве. Возможно, пик ее славы уже прошел, но на нем теперь гордо реяло приятное прозвище «королева Марго», присвоенное в театральном обществе сильной женщине, вполне соответствующей такому имени. Путь, самостоятельно пройденный от некрашеного пола в сибирском селе до подмостков Ла Скала, дорогого стоил. И юбилей был неким подведением итогов. Не окончанием карьеры, но переходом в новый статус. Ее короновали.

Наступил юбилейный вечер.

Все в большом в доме у пруда волновались не меньше хозяйки. Она, словно шкипер перед штормом, четко отдавала команды, и ее уверенный голос был слышен то справа, то слева. Проходя мимо, она едва удостоила меня взглядом, что говорило о скрытой внутренней борьбе. Впрочем, это был боец. Остановившись у зеркала, Маргарита Михайловна глубоко вздохнув всей грудью и гордо вскинув голову, твердо посмотрела куда-то вдаль. Так она всегда делала перед концертом. Взгляд над публикой был некоей индугенцией, которую она сама себе выписывала. Хотя бы на время.

Первым, как всегда, появился Гоша. Давний друг семьи и еще более давний поклонник Ритули, как он ее называл. Уже успевший полысеть, с солидным животиком, он был неутомим.

– Пора, красавица, проснись... – призывно зазвучал его приятный тенор прямо с порога. – Ничем тебя не потревожу... – он ринулся навстречу нашей красавице и припал на колено подле пышного платья.

– Мой милый рыцарь, – она протянула руку в белоснежной перчатке для поцелуя, – ты всегда впереди всех.

– Если ты о моей шевелюре, – не вставая с колена, Гоша провел ладонью по розовой лысине, – то все ради тебя, королева. Приказывай, и обзаведусь новыми локонами. Ты же знакома с моим пуделем. Договоренность достигнута на условиях бартера.

– Надеюсь, это не «Вискас», – звонко рассмеялась Маргарита Михайловна.

– Мамою клянусь, – Гоша не отпускал руку в перчатке, – только сахарные косточки. Я же не хочу превратиться в мартовского кота.

– Да ты, как есть, кобель старый, – захотелось добавить мне, но было не по статусу вмешиваться, и сие ценное замечание осталось не озвученным.

Следом за Гошей стали появляться и другие знакомые лица. Коллеги из «Большого» подарили замечательную фотографию в золоченой рамке. Мне удалось мельком глянуть на нее. Молоденькая Рита на каком-то конкурсе, раскинув руки, берет высокую ноту. До чего хороша она была тогда! Высокая, статная, глаза выразительные, но взгляд не глупышки. Девочка с характером.

– Прими от подданных сей скромный дар, – громко продекламировал вошедший Стотский фразу из какой-то оперы и преподнес Маргарите Михайловне изящную статуэтку в стиле

гжельского фарфора. Они лет десять выступали вместе и были очень дружны. Сплетничали о более тесной дружбе, но, думаю, это все козни завистников. К Рите грязь не приставала. Она была красивой и открытой в общении женщиной, но скандалов не припомню.

– Ставьте цветы сюда, – помогаю я какому-то незнакомому юноше. Он так и не решился пробиться к королеве со своим скромным подарком. А розы шикарные, небось дорогущие...

Плодовитый Рохман явился с исчерканным листком. Надо думать, это новый опус в честь юбилярши. Несколько минут на поздравления и поцелуи, и гости уже просят хозяйку о премьере. Как мне это напоминает молодые годы, когда вокруг Риты назойливым роем кружились и композиторы, и поэты, и писатели. Теперь наступило время продюсеров.

– Друзья мои, – узнаю баритон Витебского, – Маргарита Михайловна исполнит арию Лючии из новой оперы Арсения Семеновича «Красавица из Флоренции». У рояля автор. С премьерой, друзья. С премьерой!

Гости притихли, и голос Маргариты Михайловны заполнил большой дом у пруда. Она не случайно выбрала именно его. Чье-то бывшее поместье в революцию разграбили, потом отвели под склад, а после и вовсе бросили умирать. Только воля Марго подняла его из небытия. И не зря. Они чем-то похожи. Свою силу знают, но не бравируют, а уж, если заявят о себе в голос, то далеко слышно будет. Потому, что корни их тут, по этой земле босиком ходить любят. Ни на какие «миланы» не променяют. И помощников по дому хозяйка сама выбирает. Все душевные милые люди, как семья. Вот и я не первый год с ней, а дурного слова никогда не слышала.

Тем временем народ все прибывает. Да какой. Полозов, как всегда, учудил. Его подарок четверо молодцов вместе со столом внесли, а по бокам канделябры по девяти свечей поставили. Попросил наш шоколадный король свет приглушить и собственноручно начал свечи зажигать. Заинтриговал собравшихся так, что все притихли. Потом эффектно сдернул покрывало, а на столе макет Большого театра из шоколада. Здоровенный...

– Я хотел бы подарить королеве настоящий «Большой», но денег хватило только на этот, – хитро подмигнул Полозов. – Пусть твоя жизнь будет самой сладкой на всеете, дорогая Марго.

Да, любит мужчина эффектные позы. Не удивлюсь, если когда-нибудь заявит в поддевке с окладистой бородой и сапогах гармошкой. Достанет золотой брегет из жилетного кармана, а за ними следом и цыганский табор. Барин.

Позже всех приехал Кочергин. Этот никогда не щеголяет в дорогих костюмах, а вниманием не обижен. Опять с новой фотомodelью. Сам из себя сморчок, а денег в карманах немаловато. В простачка всегда играет. Вот народ и недоумевает, откуда у такого недотепы золотые прииски.

Хитер.

– Позвольте, Маргарита Михайловна, мой «презентик» скромный «преподнести». Уж не обессудьте принять. Мы люди темные, простые, но талант ценить можем. Вот...

И достает из сумочки своей спутницы корону. Самую, что ни на есть, настоящую. Потянулся мужичонка корону водрузить на голову хозяйке, да росточком не вышел. Пришлось нашей певунье реверанс сделать, как на сцене. Все так и ахнули, когда по всей зале засияло от короны той. Да с переливами. Воистину к лицу нашей Марго корона. Ай, к лицу! Такой бы и в стране царствовать не грех, да мужики не уступят. Разве что, в трамвае подвинутся.

Впрочем, подарков нанесли солидно. На столе передо мной от флакончиков, сверточков и бархатных коробочек тесно стало. Да и мне перепало. Цветами завалили наполовину, а сверху водрузили огромный юбилейный букет.

Утренний поцелуй

Я привык смотреть на нее по утрам, когда моя красавица чистит перышки. О, она умеет это делать. Причем так, что наблюдать за этим таинством одно удовольствие. Почему? Утверждать не берусь. За годы, проведенные вместе, у людей стираются границы любви и дружбы. Некогда таинственная любовница становится близким другом, который именно тебе доверяет свои женские секреты. Это дорогого стоит, ведь и близкой подруге не все можно рассказать о своих слабостях.

Нет, не стану утверждать, что и мне она доверяет абсолютно все свои тайны. Иначе бы она не была женщиной. Иногда кажется, что она и себе не признается в чем-то, оставляя это на потом. Когда придет время. Оно безжалостно, и это вечная тема ее рассуждений. Словно невзначай, она подтрунивает и надо мной, замечая, что и я не выгляжу, как много лет назад. Хотя у меня, конечно, такой войны с этой коварной дамой по имени Время, нет. Мне проще. И моя красавица иногда с нескрываемой завистью упрекает в том.

У нас, словно давняя игра с распределением ролей. Она говорит, я помалкиваю. Ей нужен слушатель, а не собеседник. Впрочем, красавица делает это с таким шармом и артистизмом, что спектакль не надоедает. Соблазнительные пеньюары, лукавый взгляд из-под ресниц, изящные холеные руки с длинными пальцами и умопомрачительная грудь. Прелестница не зря ей гордится. Сколько лет прошло, а она свежа и волнующе привлекательна. Знаю, что многим мужикам хотелось бы увидеть большее, но красotka знает толк в кокетстве. Только мне дано разглядывать ее по утрам, когда она прихорашивается, проверяя на мне свои излюбленные приемы. Она игриво улыбается, но в глазах сверкает строгое предупреждение. Руками не трогать.

Умница может дать фору многим косметологам, зная в тонкостях свойства тысячи всяких флакончиков, баночек, тюбиков и еще каких-то изящных предметов, о которых мужчины редко задумываются. Я просто смотрю на нее и наслаждаюсь ежедневным забавным действием. А она, не глядя, безошибочно находит нужный предмет из огромного арсенала и пускает его в бой. Не со мной, со временем. При этом красавица четко знает, что и с кем она сделает. Мда, те, кто не видит этого, далеки от понимания женщины, ее неусыпной заботы о своем оружии. Красавица каждый день оттачивает его, не зная пощады к себе. О жертвах и говорить не приходится. Врут те, кто говорит о невидимом или тайном оружии женщины. Более явного и эффективного сверкающего меча в умелых руках и представить нельзя. Только это великого труда стоит. Я свидетель.

Убегая утром, она кокетливо оставит шикарный след на моей щеке от поцелуя накрашенных губ. Чуть склонив свою прелестную головку набок, лукаво посмотрит на меня и погрозит пальчиком:

– Никому не говори, – и ее легкие шаги затихнут в коридоре.

Конечно, не все пути моей красавицы усыпаны лепестками роз. Бывают и шипы. Я замечаю это, сразу, едва захлопнется за ней входная дверь квартиры. Не глядя на меня, она проскользнет в ванную. Там долго будет шуметь вода, заглушая все звуки, которые мог бы услышать посторонний. Потом она наденет что-то из своего любимого гардероба и грациозно сядет в кресло напротив. И это уже пантера. Ее взгляд снисходительно скользнет по мне, словно проверяя. Ну, как? Я еще в силе? Что тут скажешь, сильная женщина. Никакие невзгоды не оставляют следа на ее красивом лице. Пусть оно уже не выглядит юным, нераспустившимся бутон. Это прекрасный благоухающий цветок. Представляю, сколько пчел и жуков постоянно выются над ней, чтобы собрать пыльцу или выпить до дна нектар. Она умеет за себя постоять.

В трудные дни она не прячется, не уходит в себя, натянув старый домашний халат. Нет. Красавица отыщет в своих закромах что-то изысканное, наденет украшения и зажжет свечи.

Длинная тонкая сигарета поможет ей укрыться за дымчатой завесой ментола, откуда будет поблескивать взгляд. Внимательный цепкий взгляд хищницы. В нем видны огоньки свечей и какие-то всполохи, от которых любому станет не по себе. Она принесет старинную шкатулку и достанет из нее карты, потрепанные книги, хрустальный шар, какие-то камушки и скляночки с настоями. Потом над огоньком свечи будет потрескивать сухая трава, зазвучат странные слова на непонятном древнем языке, капли воска застынут причудливым зигзагом на бумаге, а от перстней на ее пальцах по потолку побегут разноцветные зайчики. Завораживающее зрелище. Что и кому она говорит непонятно, только от короткого взгляда с прищуром, брошенного куда-то вдаль, становится жаль того, кому все это предназначалось. Она настоящая женщина.

Иногда она просто гадает на своих больших картах со странными картинками. Беря меня в свидетели, заглядывает в будущее и говорит о прошлом, будто все это я знаю. Впрочем, это так убедительно, что трудно не согласиться. Самое интересное происходит в полнолуние, когда посреди ночи она открывает окно, и комната заполняется таинственным серебряным полумраком. Будь то зима или лето, дождь или снег, она обратится к каким-то потусторонним силам и получит то, что хочет. Я свидетель.

Потом она все уберет и, как ни в чем не бывало, упорхнет в спальню. На прощание сотрет с моей щеки след утреннего поцелуя и ласково прошепчет:

– Свет мой, зеркальце, скажи... – загадочно помолчав, добавит. – Впрочем, я сама все знаю.

Девушка на пляже

В затухающем над рекой закате всегда читались интересные мысли, и не обязательно по весне все были романтическими, а в рамке багряной листвы по берегам – философские. Они были разными. Иногда в позёмке, извивающейся по заснеженному руслу, могли привидеться майские ручьи. Это была своеобразная рулетка.

Сава с детства любил закаты. Прощание со светилом всегда наполняло его размышлениями о главном в жизни. Он забывал обо всем, погружаясь в какое-то гипнотическое состояние, впитывая последние лучи солнца. Не то, чтобы это всегда были мысли о смерти. Нет. Просто в этот момент он не мог думать о чем-то поверхностном. Тонкая грань перехода из светлого мира в темный была подобием портала в мир иллюзий. Частенько именно так в его душе рождались замыслы новых картин.

Он оказался в Суриковском сразу после окончания Ручьёвской школы, и первое время никак не мог обрести в шумной столице то душевное равновесие, без которого писать что-то стоящее невыносимо. Благо, ему везло на хороших учителей. То ли он находил их, то ли они высматривали пытливый взгляд собрата в толпе, но так было всегда. Константиныч, как первокурсники звали своего мастера, почувствовал смятение и отпустил пацана на натуре вне плана. Так Сава открыл для себя Пётрицу. Случай или судьба привели его на берег тихой речки Подмосковья, но в тот день появилась четкая уверенность, что когда-нибудь у него будет здесь свой дом...

Мечты сбываются.

Назойливый звонок сотового телефона распугал все мысли и заставил вернуться в комнату. Покинутое кресло на веранде осуждающе продолжало смотреть на реку в одиночестве.

– Аллё, – недовольно буркнул Сава.

– Извини, если не вовремя, – после некоторой паузы прозвучало в ответ.

– Маша?

– Спасибо что узнал, – в её голосе чувствовалось волнение. – Смотришь на закат?

– Д – да, – он машинально махнул рукой, словно отгоняя наваждение. – Что-то случилось? Полина?

– Успокойся, Скворцов, – небольшая пауза подсказывала, что собеседница курит. – Бывшие жены иногда звонят просто так.

Она что-то хотела ещё сказать, но сдержалась. В наступившей тишине был слышен шум города за окном, который словно говорил, что жизнь никогда не останавливается и течёт сама по себе. Как вода в спокойной Петрице.

– Ты не в Москве? – с каким-то тайным смыслом прозвучал знаковый женский голос.

– Нет.

– Скворцов, ты так и не научился разговаривать с женщинами, – вспыхнула, было, собеседница, но сдержалась от дальнейших нравоучений. – Мы с Полей были на твоей выставке. Вот, собственно, почему и звоню.

– И как? – едва выдавил он из себя.

– Хорошо. Ты не изменил себе. Все такой же романтик.

Они помолчали. И чем дольше затягивалась пауза, тем томительнее она казалась.

– Я видела её, – не сдержалась и первой нарушила молчание женщина.

– Кого? – он попытался сделать вид, что не понимает о чём речь.

– «Девушку на пляже»...

У Савы отчего-то перехватило дыхание, и он заспешил к открытому окну на веранде. Солнце уже утонуло в речке, и хлынувшая откуда-то тьма окутала его полузабытыми воспоминаниями.

нениями. Они замелькали в сознании, яркими вспышками, выхватывая из какой-то глубины то, что составляло всю его прошлую жизнь.

Знакомство в однокурсницей Машенькой. Их бурный роман. Противостояние семьи столичного профессора, растившей умницу-красавицу не для какого-то аборигена. Их тайный брак и мытарства по обшарпанным съёмным квартирам. Её самопожертвование и его гениальные картины. Вечный поиск денег на холсты, краски и выставки. Вопрос пятилетней Поленьки к папе – «Мы что, нищие?»... И тот удивительный летний день на пляже. Перед самым разрывом.

– Ты знаешь, – её голос донесся, словно из прошлого, – Полина узнала меня на этой картине.

Сразу. Едва увидела её на выставке. Я ей никогда не рассказывала о нашем последнем дне на пляже, но она почувствовала. Потом всю ночь ребенок рыдал у себя в комнате и никого не подпускал к себе. А утром, когда муж уехал на работу, подошла ко мне и так нежно обняла, что у меня слезы навернулись. Я и не заметила, как она выросла. Мы так постояли с ней обнявшись у окна, а она мне и шепчет:

– Тебя так никто не будет любить, как папа.

Опять нависла тягостная пауза, сжавшее сердце с такой силой, что и вдохнуть было больно. Сава, не мигая, смотрел в темноту, поглотившую реку. Он знал, что Петрица рядом, но ее не было видно.

Почему мы так живем, чувствуя, что достаточно протянуть руку, чтобы прикоснуться к тому чего желаем всей душой, но боимся сделать это?

Ностальгия

С возрастом года, как опавшая листва, быстро опадают и куда-то незаметно исчезают. То ли осенний ветер суетится, то ли дворники стараются, но их и не замечаешь. А с годами уходит многое, вернее, лучшее. Оно остается только где-то в памяти, и живет там как-то самостоятельно, отдельно от тебя, и впускает только, когда поскулишь.

Говорят, это ностальгия.

Сначала она появляется в осеннее ненастье, когда впервые осознаешь себе в горькой потере. Невосполнимой. Безвозвратной. Это быстро проходит, потому, что еще веришь во что-то. Но она приходит снова, как зубная боль, от которой не скрыться. Особенно по ночам, когда в тишине так отчетливо молчание одиночества. Забывшись сном под утро, еще видишь счастливые сны и врешь себе, что ты сильнее. И, действительно, первые заморозки еще не зима, и можно смело пройтись по опустевшему парку и отыскать знакомую скамейку. Уютно устроившись на ней, пригреться на робком осеннем солнышке и вспоминать. Вспоминать...

Наверное, это ностальгия.

Слоняться по пустой квартире, ожидая, когда он вернется, и еще на что-то надеяться. Вспоминать, как когда-то он врывался такой взъерошенный и веселый. Легко подхватывал тебя на руки и, уткнувшись носом, смешно сопел в ухо, извиняясь за опоздание. У него вечно были дела. Но в том милом прошлом он мог бросить все и уйти с тобой гулять в парк. Тогда почему-то всегда была хорошая погода, а теперь, вот, дожди. И он возвращается домой усталый, едва что-то буркнув в прихожей. И от него иногда пахнет чужой женщиной, а ты плетешься на кухню, потому, что знаешь, лучше не начинать...

Ностальгия.

Теперь он все чаще закрывается в кабинете и подолгу сидит за своей дурацкой машинкой, она ему стала роднее тебя. Ты засыпаешь без него, а по ночам делаешь вид, что не слышишь, как он ложится и подолгу ворочается, так ничего и не сказав. Даже когда вы гуляете, он молчит, а ты чувствуешь, как он, уже не таясь, заглядывается на других. И все чаще обходит стороной знакомую скамейку в парке, чтобы не остановиться и не присесть. Там всегда теперь мокрый снег.

Он, как ностальгия.

Остались в прошлом веселые поездки на дачу с шумной компанией. Мы теперь вообще все реже ходим к кому-то в гости. Не то, чтобы он меня стыдился. Нет. Просто ему это не интересно. Он наивно полагает, что я думаю также, что мы вообще давно понимаем друг друга без слов. Даже когда мы выбираемся на дачу, он ведет себя также. Мы молчим по дороге, мы не общаемся в том старом доме, который еще хранит воспоминания о том далеком счастливом времени, когда мы позволяли себе быть совершенно беззаботными и озорными.

Теперь я знаю, что такое ностальгия.

Она постоянно со мной. Мы, как две подружки. И, наверное, очень похожи. Трудно жить с одиноким мужиком. Особенно, когда он принес тебя в дом щенком и кормил с руки. Терпеливо учил своему языку и подолгу разговаривал, заглядывая в глаза. Все куда-то пропало, как осенняя листва во дворе. И к этому трудно привыкнуть... Ностальгия.

Крымские персики

Летний базар не оставляет равнодушным даже мужчин. Чем-то он напоминает огромный стадион перед финальным матчем. Только здесь спрессовались массы не любителей футбола или хоккея, а поклонники самой древней игры – в продавцов и покупателей. Ее корни далеко на Востоке, где торговля с незапамятных времен стала национальным искусством. Игроки выступают в разных жанрах, на ходу подстраиваясь под ситуацию, и эта необузданная импровизация приносит несравненное удовольствие, которого не испытать в огромных супермаркетах, где покупатели одиноко слоняются среди безликих стеллажей. Там тебя никто не дернет за рукав, не даст попробовать только что сорванное с грядки, не расскажет о дедушке посадившем или вырастившем что-то. На базаре все кипит и пахнет, как котелок с ухой на костре, от которого трудно оторваться, даже если ты давно сыт.

Эти мысли окутали меня воспоминаниями далекого детства, когда с закрытыми глазами по запаху можно было определить сорт помидора или клубники. Особая атмосфера летнего базара не раздражала суетой и толкотней, она возвращала в то время, когда детвора редко сидела дома. Мы жили на улице. Я вырос в районе портовиков, через дорогу от рыбозавода, причалы которого навечно пропахли рыбой. Ее коптили, солили, вялили, топили жир – и эти запахи, как фотографии из детского альбома, хранятся в моей памяти. Возможно поэтому меня иногда так тянет пройти по летнему рынку, пропитанному подобными воспоминаниями.

Для непосвященного это какофония запахов ни о чем не скажет, для меня же это незримая тропинка в то далекое время, когда на воскресный завтрак мама отваривала картошку в мундире, а я бегал к соседнему магазину, у дверей которого бабки продавали хамсу пряного посола. Она была кучками разложена на газетке, промокшей от рассола, который темными пятнами растекался по изображениям членов правительства в одинаковых пальто и шляпах. Свое верховенство над важными персонами того времени хамса демонстрировала сдержанно и уверенно, словно повторяя знаменитую мудрость. Все проходит, и это тоже пройдет. Прошло, но память бережно хранит образ горки хамсы за гривенник, с веточкой укропа, зернышками перца и незабываемым запахом.

Мой нос приводит к бочке с отборной сельдью. Она красиво уложена большим веером хвостами в центр, но душу не трогает. Рядом прилавки ломятся от форели и лосося на ледяной крошке, осетровых балыков, вяленого угря и воблы, малосольной горбуши и кижуча. Это все из чужой жизни. Хамсы нет.

Ряд с подсолнечным маслом невелик. Теперь все привыкли к рафинированному в пластиковых бутылках. Но какой салат можно сделать с маслом без запаха и вкуса. Теперь помидоры еще и режут мелко, словно винегрет. А помидор должен быть крупный и нарезан крупными ломтями, чтобы ароматное масло в себя вобрал. А масло должно быть темным, густым, как сироп, и пахнуть густо-густо семечками и травой. Не знаю, как это раньше делали, но можно было ложкой черпать этот запах попеременно с помидорным.

Побродив немного, уверенно беру след, как охотничья туманным утром. В толпе не разглядеть, но запах тот. Пробиваясь к прилавку, слышу характерный крымский говор. В нем все вперемешку – и хохлы, и москаль, и татары оставили свой след, века обкатали его, сделав легко узнаваемым. Дородная бойкая толстушка нахваливает свой товар. Встретившись со мной взглядом, расплывается в приветливой улыбке. Очевидно она распознала во мне ценителя, если не маньяка крымских персиков. А они хороши! Лежат не горкой, как на соседних прилавках, где товар помельче, а каждый в своем гнездышке. Как их довели? Крупные, сочные, того и гляди лопнут в руках. Хозяйка тут же предлагает один надрезать, на пробу, но я категорически отвергаю это, протестующее размахивая руками. Запах у них такой, что ошибиться невозможно, а на просвет посмотришь, косточка с размер соседних собратьев из других

краев. Правда, и цена у крымских под стать размеру. Шарю по карманам, выгребая наличку, и стыдливо опускаю взгляд. На все. Она понимающе улыбается и без веса бережно кладет три штуки в большой пакет, чтобы персики не касались друг друга.

Выбравшись из рыночной толчеи, решаюсь идти домой пешком, чтобы в автобусе не раздавить свою покупку. Путь неблизкий, но нахлынувшие воспоминания позволяют забыть, что подобный марафон я позволял себе давно. Лет двадцать назад. Да, бежит время...

Мама выросла в Севастополе, где в пору моего детства жили три ее сестры и два брата. Наша семья была небогатой, но иногда летом ездили в отпуск к родственникам. Это становилось событием года. К нему все готовились, и когда во дворе тети Шуры собиралось человек тридцать, начинался пир. Взрослые долго сидели за длинным шумным столом, вспоминали, шутили, пели грустные песни, обнимались и что-то обсуждали, не очень понятное мне, но это единение навечно отпечаталось в душе пацана. Как же это было здорово – уехать далеко-далеко от дома и вдруг обнаружить, что все тебя любят и помнят, как года три назад ты расшиб коленку и дядя Миша нес тебя домой на руках, а ты пообещал ему тоже носить его до самой старости. Боже, как славно это было!

А главное – весь дом тети Шуры был пропитан запахом персиков. Они были умопомрачительно огромными. Да-да, именно так. Каждый на подбор, по полкило. Небольшие деревца в их саду стонали от таких персиков, растопыривая ветви в стороны. Их заботливо подпирали рогатинами, но ветки все равно прогибались под такой тяжестью. Если присесть и посмотреть через персик на солнце, он казался живым, с косточкой вместо сердца.

В саду царствовал муж тети Шуры Иван Иванович. По ранению его комиссовали во время войны, и он нашел себя в садоводстве. Долго и упорно отбирал, скрещивал и выращивал эти удивительные персики. Однажды я застал его за странным занятием, оставившим след в моей душе. Иван Иваныч разговаривал с персиками. Он сидел на своей маленькой табуреточке под деревцем, курил и говорил что-то негромким хриловатым голосом, обращаясь к деревцу. Это было так неожиданно, что я растерялся и вдруг спросил – можно я тоже с вами посижу. Иван Иваныч посадил меня в себе на коленку и кивнул в сторону ветки перед ним, поясняя, что та болеет. Мол, привил ее по весне, а она нынче капризничает. Наверное затосковала по своим. Увидев мои округленные глаза, усмехнулся – издали гостя. Иранская. Вот и приходится ее успокаивать, чтобы не болела. Моя детская душа переполнилась сочувствием, но я не знал, как ей помочь. Иван Иваныч сгреб худенькие плечи пацана и, наклонившись, шепнул на ухо – мол ты ей расскажи о себе, она боится незнакомцев.

Как давно это было, а помнится до мельчайших деталей...

Придя домой, я положил персики в большую вазу, даже не сполоснув водой. И тут же комната наполнилась их ароматом. И я, как в детстве, сел перед ними и заговорил, успокаивая. Мол не бойтесь, вы же гости. Никто вас есть не будет. Живите тут спокойно. Возможно вы далекие потомки той самой веточки, что когда-то привил Иван Иваныч в своем саду на Воронцовой горе Севастополя, а я говорил с ней по-братски. И мне подумалось – почему люди не умеют так говорить друг с другом, как я, с крымскими персиками.

Хилер

Мне было за сорок, когда в составе команды молодых ребят я поехал на чемпионат Евразии по карате. И не в качестве тренера, а – как боец. Возможно, в иное время такой поступок считался бы рискованным, но в начале 90-х, неожиданная вседозволенность дала возможность проявиться не только в бизнесе, но и в спорте. Кто-то бескорыстно помогал своей команде, а кто-то вкладывал серьезные деньги в новые клубы и новые имена, рассчитывая на будущую отдачу. Тогда мое студенческое увлечение карате переросло в профессию. Я 20 лет не снимал кимоно, был президентом клуба и с командой мальчишек часто ездил на семинары и соревнования во Францию. Возможность самому участвовать в крупном чемпионате была просто мечтой. Да, и не я один был такой.

Фанаты откликнулись со всех уголков страны. На открытии чемпионата стал ясен его масштаб. Десяток лиц, знакомых по предыдущим соревнованиям, растворился среди нескольких сотен участников. Огромный стартовый взнос никого не остановил. Впрочем, и объявленные организаторами чемпионата непривычно большие денежные призы тоже не были целью. Каждый хотел доказать себе, что он первый. И это сразу стало заметно уже в отборочных поединках. Несмотря на заявленный бесконтактный уровень соревнований по правилам международной организации WUKO, судейская бригада заняла лояльную позицию при оценке жестких ударов в голову и спину. Полилась кровь, а бойцов после тяжелых нокаутов просто выносили с татами.

Мы жили в эпоху перемен. Ассоциации различных видов единоборств еще не обрели популярность, и все стремились занять главенствующую позицию в федерации каратэ страны. Со сменой лидера менялись правила проведения поединков – каждый стремился протащить своих бойцов, используя особенности судейства своего стиля. Все эти «подковерные» интриги мне были хорошо знакомы, поскольку сам часто принимал участие в судейских бригадах соревнований, как аттестованный судья по каратэ всероссийской категории. Впрочем, тогда протесты и разбирательства ни к чему не приводили – устроители чемпионата Евразии по карате ссылались на положительный европейский опыт новых поправок в правилах. Молодые ребята, приехавшие из дальних уголков на первый в своей жизни солидный чемпионат, готовы были жертвовать всем ради громкого титула.

В полуфинале у меня была встреча с очень жестким парнем, который агрессивностью старался компенсировать недостаток техники. Я поймал его, когда он «провалился» на атаке, но в падении он достал меня ударом в позвоночник. В горячке поединка я еще как-то выстоял, проиграв по очкам, но утром не смог встать с кровати. Начался новый период жизни, резко и без предупреждений. Правая нога не слушалась, любое движение вызывало боль. Спать мог только урывками – стоило расслабившись во сне, как тут же просыпался от боли. Помимо физических проблем, пришлось расстаться со многим, что было дорого. Оказалось, что весь жизненный уклад, подчиненный карате, теперь стал чужим.

Я не был профессионалом карате в строгом смысле этого слова, поскольку основные деньги зарабатывал сисадмином в банке. Однако были ежедневные тренировки и утренние 10-километровые пробежки, работа в нескольких минутах ходьбы от дома, на первом этаже которого были два спортзала собственного клуба, где я, по сути, и жил. Каждый день в 18:10 я менял банковскую униформу на кимоно, и начиналась моя вторая, главная, жизнь. Сначала вел тренировку у малышей, потом сам занимался со взрослыми. Дважды в неделю проводил третье занятие с оружием. После такой нагрузки долго не мог заснуть, пытаюсь переводить книги по карате с английского и французского, пробовал осваивать японский, просматривал километры видеозаписей соревнований и учебных материалов. Еще подготовка к судейству, соревнованиям, зачетам, экзаменам, семинарам, поездкам во Францию и приему ответных визитов.

Учеба на заочном в Международной Академии Боевых Искусств, куда дважды в год ездил на сессии.

Пишу об этом так подробно, чтобы было понятно, как в один миг эта жизнь стала недоступной. Конечно, я мог бы остаться просто тренером и участвовать в судействе, сидеть на тренировках и покрикивать на учеников... Нет, это было не для меня. Тогда я учился ходить, держась за стенку, выпил мешок таблеток, выписанных десятками врачей, не соглашался на операцию, на что-то надеясь. И однажды судьба столкнула меня с фирмой, которая посылала страждущих к филиппинскому хилеру, творящему чудеса. Раньше мне доводилось читать о тех, кто без хирургических инструментов проводит операции, причем успешные, но испытать это на себе... Впрочем, к тому времени я уже готов был на любые эксперименты. И, собрав с помощью друзей необходимую сумму, я через пару недель вылетел из Шереметьево навстречу неизвестности.

Перелет до Манилы был долгим, и уже в самолете мы познакомились со всеми участниками нашей группы. Десять соотечественников решились на отчаянный шаг по разным причинам: двое «реальных братков», Федя и Серега, чьи буйные головы были пробиты разными предметами, но с одинаковыми последствиями; супружеская пара с пацаном лет семи, у которого с детства не вращалась шея; еще одна супружеская пара, которая никак не могла родить наследника; две подруги бальзаковского возраста с женскими проблемами и бывший спортсмен в моем лице.

Случилось так, что моя соседка по самолету, переводчица Наташа, так хотевшая родить дочку, к тому моменту уже много прочитала об этих кудесниках, и, найдя в моем лице благодарного слушателя, всю дорогу с восторгом рассказывала о хилерах. Оказывается, только на Филиппинах есть четыре благих места, где они могут творить свои чудеса. Объясняется это какими-то энергетическими воронками, которые сфокусированы в четырех горных деревеньках. Ведь все семь тысяч филиппинских островов раскинуты вдоль самой глубокой впадины Тихого океана. Внизу проходит стык тектонических плит, и вся страна просто живет на вулканах. Именно там, сквозь разломы в земной коре, хлещут энергетические потоки небывалой силы, и избранные умею ею пользоваться. Их называют хилерами, от английского – исцелять. Причем, настоящие целители могут проводить свои операции только в тех четырех особых местах. Остальные «хилеры», гастролирующие по всему свету, попросту шарлатаны, даже если они и учились у филиппинских монахов.

Тогда рассказ Наташи был для меня не просто познавательным, он стал той ниточкой, за которую ухватился отчаявшийся от неудач в лечении неожиданной беды человек, который устал блуждать по темному лабиринту, на каждом повороте которого у него просто вытягивали деньги из карманов. К октябрю 1995 года я прошел столько «специалистов именно моей болезни», что с первого взгляда мог определять сумму, которую с меня запросят за услуги. В остальном они ничем не отличались. Я даже мог поддерживать научную беседу с использованием медицинской терминологии, но результат был всегда один. Вернее – его отсутствие. Вот почему длинный рассказ Наташи во время многочасового перелета тем октябрьским днем стал для меня «Рубиконом». Я слушал восторженный голос своей соседки и представлял того, кто может вернуть меня к нормальной жизни. Под гул турбин за бортом я прошел с еще неизвестным мне хилером долгую дорогу от пацана в одной из миллионов многодетных хижин до целителя.

Все начинается с того, что по всем островам архипелага филиппинские монахи ищут по известным только им критериям необычных детей и берут их на воспитание. Таковых считают счастливыми.

Высоко в горах есть монастырь, где их обучают до совершеннолетия. Причем отсеб достаточно большой: далеко не все выдерживают суровые условия или не оправдывают надежды учителей. Таких возвращают к обычной жизни. Оставшиеся должны пройти суровый экзамен –

30-дневную «сухую» голодовку. Только тогда в человеке происходят какие-то изменения, и он становится хилером. Без пищи и воды послушник должен провести 30 дней в пещере за молитвами. В любой момент он может уйти или попросить помощи, и лишь выдержавший испытание затем проходит посвящение в хилеры. У него открывается способность видеть человека насквозь, со всеми недугами. Находясь только в одном из четырех уникальных мест, он способен концентрировать особую энергию для излечения болезней.

Мне, получившему атеистическое воспитание и проработавшему 15 лет научным сотрудником в международном центре ядерных исследований, это казалось чем-то запредельным. Однако сильное желание вернуться к нормальной жизни преодолеvalo все сомнения. И вот десять страждущих из далекой России входят во двор двухэтажного дома, небольшого поселка, расположенного в том самом месте Филиппин. Настороженно озираясь по сторонам, рассаживаемся в плетеные кресла, стоящие в тени деревьев. Утреннее солнце по местным понятиям еще не припекает, но я жадно припадаю к стакану прохладного сока, поднесенного коренастой островитянкой. Через переводчика нам объясняют, что доктор Руди нас ждет и скоро примет. Хотя государственным языком считается пилипино (так на Филиппинах называют тагальский), многие бегло говорят на английском. Я уже успел заметить, что к человеку с белой кожей отношение у местных очень уважительное, и они прощают все мои ошибки в английском и охотно отвечают на вопросы.

Осмотревшись, отмечаю, что дом хилера в деревушке один имеет два этажа. Остальные представляют собой какие-то хлипкие постройки с соломенной крышей, в окнах нет стекол, а из мебели в комнатках видны скатанные циновки в уголке и непременно телевизор на маленьком столике. Заметив мое любопытство, островитянка показывает на большой черный плакат у входа в дом хилера, где, как на школьной доске, мелом начертано расписание, и объясняет, что всю эту неделю Руди будет работать с нами. Список длинный. Наверное, в качестве рекламы рядом с фамилиями пациентов, указаны страны. За Россией вижу США, Англию, Японию.

А вот и сам доктор Руди – энергичный, среднего роста в цветастой рубашке с короткими рукавами. Он здоровается со всеми за руку, улыбается белозубой открытой улыбкой. Отмечаю сильную ладонь с короткими пальцами. Лицо умное, приятное, движения быстрые и точные. Выглядит лет на 30–35, хотя очки придают лицу солидность. Я уже заметил, что филиппинцы не носят очки вообще, даже солнцезащитные. Из разговора выясняется, что Руди уже 52 года, и в доме живет его семья – жена, пятеро детей, двое старших сыновей женаты, и есть уже внуки. Все помогают хилеру и работают по дому. Нас приглашают пройти в кабинет и, отодвинув белые простыни, огораживающие часть двора, пропускают вперед. Я смотрю на соотечественников, приехавших сюда по разным причинам и из самых разных мест, но движимых единым желанием. Все как-то разом притихли и насторожились. Возможно, у многих этот шаг связан с последней надеждой.

Кабинет чем-то похож на маленький зрительный зал: десятка три стульев рядами стоят перед массивным деревянным столом, за которым в уголке какие-то иконы и картины, обрамленные странными символами, горят свечи и ощущается запах ароматизированных масел. На листе ватмана фраза по-английски, которую можно перевести как «я только инструмент в руках Божьих». Со всех сторон пространство огорожено белыми простынями, на которых покачивается тень деревьев. Тишина и прохлада успокаивают. Нас рассаживают на стулья и проводят инструктаж: сидеть тихо, слушаться Руди, можно выходить во двор, можно снимать на фото и видео, но нельзя пересекать белую линию – и показывают на черту отделяющую стулья от стола. Очевидно, на нем все и будет происходить. Откуда-то выскакивает курица и важно прохаживается под столом. Её быстро выгоняют, и тишина восстанавливается. Я вспоминаю своих родителей-медиков: видели бы они эту «операционную». Наверное, я неисправимый скептик.

Жестом Руди предлагает встать и помолиться. Краем глаза смотрю на своих спутников – сосредоточенные лица с закрытыми глазами и едва уловимые движения губ. Даже «братки» притихли. Вдруг ощущаю в себе странный порыв – складываю руки на груди и шепчу:

– Помоги мне, Господи.

Не знаю, сколько это продолжается. Нет ни огромных, подавляющих своим величием соборов, ни грандиозного органа, ни религиозной атрибутики, ни толпы окружающей со всех сторон, но я впадаю в какой-то транс и все громче повторяю свой призыв к Создателю... Наконец сажусь вместе со всеми, не решаясь смотреть по сторонам, руки дрожат на коленях, а глаза «мокрые».

Руди стоит перед нами, молча вглядываясь в лица. Потом подходит к Наташе и протягивает руку. Как-то театрально подводит ее к столу. Она поднимается на приступочек и садится на стол, лицом к нам. Руди стоит позади нее, он кладет ей ладонь на затылок и тихо говорит по-английски:

– Она вылечится быстрее всех, потому что верит сильнее вас.

Он укладывает Наташу на стол перед собой, пододвинув под голову какой-то деревянный брусок. Затаив дыхание, мы следим за его руками. Хилер потирает ладони и резким движением рассекает указательным пальцем пространство над Наташей. От головы до ног. Позже я узнаю, что так он вскрывает ауру пациента. Затем открытыми ладонями пробегает над всем телом, почти нигде не останавливаясь. Берет лист белой бумаги и подносит к голове своей первой пациентки. Такое впечатление, что он через него рассматривает что-то, поворачивая лист и наклоняясь. Наталья не выдерживает и начинает на английском объяснять ему свою проблему. Руди жестом останавливает ее и, подняв голову, обращается ко всем – не нужно ничего говорить, он сам все увидит и поймет. Продолжая вести лист бумаги над Наташей, он то и дело останавливается и что-то говорит своей жене. Та стоит справа у икон, с блокнотом и карандашом. Не поднимая головы, записывает. Закончив процедуру, Руди обращается к переводчику. Он в сжатой форме объясняет нам всю Наташину жизнь и болезни, та все время утвердительно кивает головой.

Оборачиваюсь к супругу пациентки. Он весь подался вперед и, кажется, готов кинуться спасать Наташу. Высокий худощавый мужчина в летах. Руки опущены, но ладони с длинными вздрагивающими пальцами непроизвольно тянутся к жене. Он явно встревожен. Кадык судорожно дергается под выбритой кожей, словно мужику трудно дышать. На лице застыло испуганное выражение, будто супругу, как на цирковых представлениях, прямо сейчас будут распиливать циркулярной пилой. Позже Наташа ласково называла его Васенькой и нежно гладила по щеке. В тот момент ему явно этого не хватало. Очевидно, их связывает очень сильное чувство. Когда видишь такое со стороны, невольно начинаешь сопереживать. Наверное он долго не решался ехать в какую-то Тмутаракань, чтобы отдать любимую женщину на какие-то там опыты. Это написано у Васеньки на лице, а в глазах столько тоски и любви, что по у меня заскребло на душе. Вспоминаю наш разговор с Наташей в самолете, вернее – ее вкрадчивый голос. Сразу представляю, как она уговаривала мужа, который, судя по всему, долго занимал какие-то руководящие посты на службе, но дома покорялся этой тихой ласковой женщине. Очевидно, они давно хотят иметь своего ребенка и пройдут все испытания, чтобы он наконец родился.

Проследив направление взгляда Васеньки, наталкиваюсь на безмятежное лицо Наташи. Она улыбается, пытаясь успокоить супруга. Не могу понять, откуда хилер знает обычно скрываемые женщиной подробности своих болезней. Возможно действительно что-то увидел сквозь лист простой бумаги, а, может, сопровождающий нас переводчик подсказал, чтобы утвердить нас в том, что немалые деньги потрачены не зря. Так или иначе на всех страждущих это произвело впечатление. Кто-то, как Наташа, слепо верит хилеру, кто-то, подобно мне, еще сомне-

вается. Однако мы очень хотим излечиться от своих недугов, и любое подтверждение удивительных способностей Руди, внушает нам оптимизм.

Спокойно переждав наши восторги, хилер продолжил – сегодня будет чистка всего организма, и для этого нужно снять одежду. Если кто-то не хочет демонстрировать свое тело зрителям, он может попросить их выйти или не фотографировать. Наташа гордо заявляет, что ради святого дела она согласна на все. Мы с ее супругом достаем видеокамеры, а кто-то уже начал щелкать фотоаппаратом. Васенька, как ледокол, бесцеремонно продвигается вперед, расталкивая коленками свободные стулья и усаживается впереди. Я чуть приподнимаюсь, упиравшись локтями в спинку стула, чтобы камера не дрожала, и замираю, увидев в окуляр картинку.

Передо мной руки хилера. Они быстро двигаются по всему телу пациента, иногда оставаясь и углубляясь в плоть на один-два сантиметра. Неожиданно брызнула кровь. Кто-то из женщин непроизвольно вскрикнул, но мастер даже не посмотрел в нашу сторону. Две его миниатюрные дочери-ассистентки ватными тампонами ловко вытирают струйки крови, скатывающиеся от невидимых нам ран на теле Наташи. Думаю, что она не на много младше меня и не спортсменка. Тело соотечественницы довольно рыхлое, да и лежит она на высоком столе, так что деталей «операции» происходящей у нас на глазах, никому не видно. Используя возможности своей видеокамеры, максимально приближаю изображение.

Сильные пальцы Руди наполовину в теле Наташи. Он то и дело толчками выдавливает из тела пациентки какие-то кровавые сгустки и бросает их в чашу, стоящую рядом на столе. Ассистентка, словно в кадрах кинохроники из операционной, смахивает салфеткой бусинки выступившего пота на лбу целителя. Он быстро споласкивает руки в чаше с водой, поданной второй ассистенткой, и продолжает движение пальцев по телу пациентки. Когда его ладони продвинулись к животу и почти наполовину погрузились в него, Наташа застонала.

Васенька, снимавший на видео с первого ряда, вскочил. Его высокая фигура загораживает мне весь стол. Невольно отклоняясь в сторону, чтобы не потерять интересный кадр. Далее происходит нечто странное. Васенька так испугался за супругу, что не заметил, как заступил за белую линию на земле, отделявшую зрителей от стола. И тут же незримая волна, словно от мощного взрыва, толкает и его, и меня в грудь, отбрасывая назад. В полете краем глаза вижу, как простыни взметнулись вверх огромными белыми пузырями. Ощущаю боль, словно от сильнейшего удара копытом в грудь. И, перелетая пару рядов стульев, уже в падении, успеваю заметить бледное лицо Наташи, задранные вверх ноги ее супруга и отлетевшего к противоположной стене хилера.

Все происходит в долю секунды, но мои навыки боя в каратэ позволяют четко запомнить детали, словно в замедленной съемке. При этом не было ни единого звука, только стук опрокинутых стульев и падающих тел. Сидевшие справа от нас ничего не почувствовали, но, ошарашенные всем увиденным, застыли на месте от неожиданности. Откуда-то прибежали дети Руди и кинулись на помощь. Сыновья усадили маэстро в кресло и начали натирать какими-то мазями, а дочери хлопчут около Наташи. Все это сопровождалось заклинаниями и жестами. Соотечественники приводят в чувства виновника катаклизма, а «братки» трясут меня за плечи и навешивают на всякий случай оплеухи, не обращая внимания на мои жесты, которыми я пытаюсь просигналить, что не могу вдохнуть. Наконец один из них усаживает меня на стул и просто вырывает из рук камеру, которой я размахиваю перед ним. Я протестую, как могу, боясь потерять уникальный фрагмент видео. От чего судорожно ловлю раскрытым ртом воздух и хрипло выдыхаю, чтобы он не нажал что-нибудь.

Когда все успокоились и мы, как нашкодившие первоклашки, устали на Руди, он еще раз строго сказал, что за линию могут заходить только члены его семьи. На этом первый сеанс закончился, т. к. хилер был не в силах продолжать работу. Сопровождавшие нас филиппинцы долго извинялись перед маэстро и, усадив нас в автобус, всю обратную дорогу повторяли правила проведения сеансов у целителя.

Впечатлений было столько, что остаток дня мы только обсуждали случившееся и просматривали видеозаписи. Однако ни у меня, ни у Васеньки записи с того момента, как он заступил за белую линию, не было. То ли мы оба от неожиданности выключили камеры, то ли запись стерта каким-то мощным импульсом. Так или иначе, но на обеих кассетах с одного и того же момента запись обрывалась. До поздней ночи мы сидели на террасе приютившего нас небольшого отеля, слушая шум океана и вспоминая загадочные случаи из жизни, то и дело возвращаясь к «взрыву на белой линии». Вдали от родных мест и знакомых мы как-то быстро подружились, объединенные общей целью. Хуже всех выглядел Наташин муж, он пытался оправдываться, а Наташа прижимала его голову к груди и тихонько гладила. Она давно простила его, хотя была явно расстроена произошедшим инцидентом. Да и мы все были встревожены не на шутку – как бы это не отразилось на ней. Никто не понимал, что же все-таки произошло там, на белой линии. Удивительные русские женщины, они могут жертвовать, прощать и успокаивать, забывая о себе. Это дорогого стоит.

На следующее утро, помолившись, хилер продолжил наши процедуры. Он распределил нас по очереди – как он объяснил – по сложности проблем. Сначала на столе побывали «братки». Их огромные тела были разукрашены наколками и рубцами. Руди с интересом разглядывал их, иногда спрашивая через переводчика, что сие обозначает. Здоровенный Федор смущался, как мальчик, поясняя скрытый от непосвященного смысл запечатленных на нем фраз. Рассматривать и тщательно изучать было что, и хилер не торопился. Потом с Федей, распростертым на столе в одних атласных трусах, словно подопытный кролик, произошел забавный случай, который моя камера исправно зафиксировала.

Просматривая покалеченного в какой-то разборке «братка» через свой белый лист бумаги, Руди остановился над его атласными трусами и вопросительно посмотрел на Федора. Тот хихикнул и отвернулся. Целитель пожал плечами и опять вернулся к заинтересовавшему его месту под атласными трусами. Держа в одной руке свой лист бумаги, другой хилер вертел Федю так и эдак. Потом обратился к пациенту через переводчика, мол, надо снять трусы – они ему мешают смотреть. У мужчин эта фраза вызвала улыбку, а дамы, переглянувшись, зарделись. Бедный Федя застеснялся, заерзал и попросил дам удалиться. Мы с Васенькой убрали видеокамеры и притихли. Двухметровый детина с наколотыми красотками и обитателями преисподней, виновато улыбаясь, ткнул пальцем в причинное место и сказал:

– Там у меня, это... Шарики вшиты...

Хилер вопросительно посмотрел на Федю, потом опять на обсуждаемое место под атласом и спросил:

– Зачем?

Совсем засмущавшись, Федя пролепетал:

– Чтобы женщин удовлетворять...

Руди засмеялся, покачал головой, спросил, не мешает ли, и продолжил осмотр оставшейся территории с наколками. Позже я все выпытывал у Феде, не рассказывал ли он кому-нибудь о столь интимной подробности. Он поклялся, что даже из близких друзей никто не знал об этой необычной операции.

Дело давнее. Юный соблазнитель женских сердец решился на нее в самом начале «взрослой» жизни. После обидных слов, услышанных от мимолетной знакомой... Как такую особенность под атласом заметил хилер для меня осталось загадкой.

Все мы в тот день прошли общую очистку организма и даже как-то привыкли к манипуляциям хилера. Сначала резким движением вдоль тела рассекалась аура, затем сильные короткие пальцы врезались в плоть, текла кровь, потом хилер извлекал из раны какие-то окровавленные сгустки, объясняя, что это – сконцентрированные болезни. Все было одинаково, но очень необычно. Руди работал виртуозно, как актер, демонстрируя большой арсенал приемов и объясняя попутно через переводчика, что именно он находил у каждого из нас, материали-

зовывал и удалял. Потом дочери-ассистентки быстро стирали с наших тел ватными тампонами кровь, а целитель втирал какую-то мазь. По команде маэстро пациент, как ни в чем ни бывало, вставал со стола, демонстрируя красные пятна на тех местах, где только что из тела брызгала кровь.

Я был седьмым в очереди. Руди сказал, что он не видит каких-то серьезных проблем, уделив мне лишь несколько минут. Что-то диктуя жене, хилер втирал в меня пахучий бальзам. И все! В конце встречи я все-таки еще раз попытался поговорить с хилером и показать привезенные рентгеновские снимки, но Руди мягко остановил меня и спокойно сказал, что он все знает. Потом сложил у своей щеки ладонки, прикрыл глазки и причмокнул. Тогда я не придал этим жестам никакого внимания. Разочарование и сомнения наполнили мою душу. На обратном пути я силялся понять, что же происходит. Допустим, фокусник средней руки может продемонстрировать подобные фокусы с кровью и кусочками извлекаемой плоти. Легко. Но разглядеть Федин секрет... Не думаю, что они как-то сговорились.

Остаток дня мы опять провели за разговорами на террасе. Поскольку после того, как хилер «вскрыл нашу ауру», и нам запрещалось неделю мыться вообще, мы не ходили ни на пляж, ни в бассейн отеля. Запах ароматических масел от бальзамов, которые хилер втирал в каждого после «вскрытия ауры», окружал нас, как облако. Нельзя сказать, что это было неприятно. Наоборот, приносило некое успокоение и прохладу. Несмотря на октябрь, днем было жарко. К тому же инструкция поведения, озвученная Руди на ближайшие три месяца, запрещала нам прикасаться и к спиртному. Благо я открыл для себя первоклассный кофе, который выращивали и обжаривали на островах. Надо признаться, что последнее время я выпивал дюжину чашек крепкого кофе днем, чтобы взбодрить себя после бессонных ночей. Боли так и не отпускали меня. Остальные «пациенты» оценили свежавыжатые соки. Особенно – манго.

Мы замкнулись в своем маленьком круге и обсуждали только то, ради чего приехали. Каждый делился своими впечатлениями и переживаниями. Мне показалось, что одни преувеличивали воздействие хилера, другие, наоборот, скептически отзывались о происходящем. И только Наташа не принимала участия в спорах, повторяя одно: поверьте, и все получится. Надо сказать, что второй день принес новые аргументы в ее пользу. В ту ночь я впервые за последний год спокойно спал! Не ворочаясь и не вставая от боли. До самого утра. Я спал как младенец, как счастливчик, как праведник. Меня пришли будить на завтрак. Я проспал все на свете! Поначалу, пытался разобраться и объяснить такой сон каким-нибудь наркотиком в том пахучем бальзаме, который запрещалось смывать. Однако очень скоро махнул на все рукой и почувствовал себя таким счастливым... Это может понять только тот, кто утратил что-то очень дорогое, долго пытался вернуть, и вот, наконец, обрел. И уже не важно, как это произошло. Главное – случилось. Мне хотелось верить во все чудеса на земле, и я боялся спугнуть охватившую меня эйфорию.

Третий день хилер посвятил снятию порчи и сглаза. Он по слоям снимал проблемы, подбираясь к главной. Суть этой процедуры состояла в том, что Руди укладывал нас по очереди на стол и после неких манипуляций подносил к стопам какой-то черный предмет. Если по телу пробегали судороги, то в этом месте нужно было работать. Дамы бальзаковского возраста очень стеснялись своих тел и проблем и всегда просили нас выйти. Меня и семилетнего Димку, у которого плохо поворачивалась шея, сглазы и порчи обошли стороной, а вот когда к Серегиной ноге хилер поднес свой черный предмет, здоровенный детина как-то по-женски взвизгнул и скрючился.

Руки хилера концентрическими кругами прошли по телу «брата» и остановились у солнечного сплетения Сергея. Медленно вводя пальцы куда-то под мощные ребра, Руди стал там что-то искать. Мы молча сидели на своих местах, боясь помешать работе целителя. Спустя какое-то время, хилер остановился, и на его напряженном лице промелькнула тень улыбки. Очень медленно он стал вынимать окровавленные пальцы из мускулистого тела, и потом извлек

небольшой камушек. Показав его нам и Сереге, он осторожно положил окатыш в большой таз. Пока ассистентки вытирали окровавленного Серегу, он спросил у Руди, можно ли взять камень с собой, на память. Хилер замотал головой и серьезно предупредил, что кто-то очень хочет Серегиной смерти, и камень непременно нужно уничтожить.

Наташе тоже не повезло: у нее Руди нашел проклятье. Долго и медленно он вытаскивал из-под ее левой груди длинный изогнутый предмет, похожий на рыбью кость. Так же медленно он положил его рядом с Серегиным камнем в большой таз. Мы не снимали на видео и не доставали фотоаппараты, боясь, что вспышка помешает этой милой женщине, ставшей за несколько дней всем нам хорошим другом. Она не только искренне верила сама, но и всячески помогала поверить нам. В отличие от дам бальзаковского возраста, Наташа не прогоняла мужчин при своих «операциях», обнажаясь перед нами, как перед соратниками, а не соглядатаями. И это было так трогательно, что все искренне переживали за нее, более, чем за кого бы то ни было.

Когда ассистентки помогли Наташе одеться и посадили рядом с нами, Руди плеснул какой-то жидкостью в большой таз и поджег. С минуту пламя полыхало совсем без дыма, а губы у хилера беззвучно шевелились. Увлеченные этим ярким ритуалом, мы смотрели на язычки пламени и верили, что вот так просто, целитель может избавлять каждого от чьей-то зависти и черной порчи. Это вселяло веру в чистоту и справедливость нашего несовершенного мира.

После прощальной молитвы Руди выглядел усталым и молчаливым. Это настроение перешло и нам. Наверное все не так просто, как может показаться на первый взгляд. Кто-то, даже очень сильный, взваливает на свои плечи нелегкую работу по борьбе с человеческим злом. Злом, которое не пришло откуда-то извне, а возникло по чьей-то воле. Причем, не всякий из нас может сотворить зло самостоятельно, но он может обратиться к черному колдуну, и тот за деньги совершит зло. О люди, почему вы не можете жить в мире!

Остаток дня мы провели на террасе, почти не разговаривая. Федя попытался было намекнуть на выпивку, но все так сурово глянули на него, что он затих. Нам это показалось святотатством. Что касается меня, то я перестал сомневаться и искать какие-то несоответствия в действиях хилера. Ко мне вернулась жизнью без боли. Едва стемнело, я отправился спать. И чудо повторилось. Всю ночь спал, не просыпаясь. На любом боку и в любом положении. Вскочил рано утром и долго бродил по длинному песчаному пляжу вдоль отеля. Стопы ощущали прохладный и влажный после отлива песок, а я все наматывал километры, прислушиваясь в правой ноге. Никаких признаков боли.

Следующий день Руди назвал «операционным»: многие из нас подверглись болезненным экзекуциям. Феде целитель как-то через глаз проник пальцами в голову и вытащил двухсантиметровую опухоль, которая давала жуткие головные боли. Сереге он положил ватку с каким-то лекарством, казалось, раздвинув ребра руками. Делал он это быстро, резкими движениями пальцев, что даже на видео трудно было что-то рассмотреть за потоками крови и ватными тампонами. Хотя всех нас больше волновал положительный результат, нежели какое-то познание тайны. Обеих дам бальзаковского возраста и маленького Диму доктор Руди отказался «оперировать». Оказывается, если порок врожденный, или уже было хирургическое вмешательство, или проблема не мешает жить, таких пациентов хилеры не трогают.

Меня в этот раз Руди осматривал через свой белый лист бумаги очень тщательно. Поворачивал в разные стороны, с живота на спину, просил поднять или согнуть ногу. Мне показалось, что осмотр продолжался очень долго. Я даже поймал момент и, сгорая от любопытства, заглянул сверху на тот белый листок, что держал в руке хилер. Но там ничего не было. Руди заметил мое разочарование и улыбнулся. Через переводчика он объяснил, что только посвященному открыты тайны взаимодействия с космической энергией. Для остальных виден только белый лист бумаги. Я мысленно отругал себя за такое мальчишество, вспоминая слова Наташи: нужно только поверить. Закрыв глаза, тут же стал вызывать о помощи ко всем известным мне святым. Через какое-то время Руди воскликнул:

– Я все понял. Там кровеносный сосуд пережимается стертым суставом.

Будучи немного знакомым с анатомией, я судорожно пытался представить, как это может произойти, и почему никто из многочисленных врачей с их техникой не мог этого понять. Тем временем Руди позвал своих сыновей, а дочери по его указанию начали готовить какую-то мазь, что-то смешивая в чашке. Меня раздели и уложили на бок. Руди навалился сверху, скручивая плечи вокруг позвоночника. Сыновья ухватили меня за руки и за ноги, упершись коленями в стол. По команде хилера они резко дернули меня в разные стороны. Да так сильно, что все во мне затрещало. Хилер тем временем, как-то через паховую область начал проникать пальцем в мой тазобедренный сустав. Было больно. Я чувствовал, как горячая кровь пульсирует у меня на коже живота и бедра, стекая струйками вниз. Руди еще что-то крикнул, и моя правая нога захрустела от резкого рывка наружу. В глазах потемнело от боли. Позже, когда я пришел в себя, Федя рассказывал, что в тот момент я так дернулся, что чуть не вырвался у четырех державших меня мужиков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.